

КУМУЛЯТИВНЫЙ ИНТЕРЕС ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУК В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

© 2021 г. Р. Ф. Степаненко

*Казанский (Приволжский) федеральный университет;
Университет управления «ТИСБИ», г. Казань*

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.02.2021 г.

Аннотация. В статье рассматривается комплекс социальных проблем современной государственно-правовой реальности, изучение которых интенсифицирует интегральный интерес правовой и экономической наук. Общая теория права и отраслевые юридические науки, исследующие эффективность соблюдения и защиты социально-экономических прав и свобод человека, выявляют проблемы социального неравенства, модификации общественных отношений и изменения моделей правопорядка, несовершенства законодательства, правоприменения и др., что коррелирует с предметной сферой познания экономической теории. Внимание останавливается на рассмотрении категорий «человек юридический», «человек экономический», «человеческий капитал», понимании права и экономики как социокультурных явлений и т.д., приобретающие в условиях глобализации и её последствий новые смыслы, исследование которых предполагает использование междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: право, экономика, междисциплинарность, права и свободы человека, социальное государство, экономическая политика, общая теория права.

Цитирование: Степаненко Р.Ф. Кумулятивный интерес правовой и экономической наук в междисциплинарных исследованиях современных социальных проблем // Государство и право. 2021. № 5. С. 42–54.

DOI: 10.31857/S102694520014854-0

CUMULATIVE INTEREST OF LEGAL AND ECONOMIC SCIENCES IN INTERDISCIPLINARY STUDIES OF MODERN SOCIAL PROBLEMS

© 2021 R. F. Stepanenko

*Kazan (Volga Region) Federal University;
University of Management "TISBI", Kazan*

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Received 08.02.2021

Abstract. The article examines a wide range of social problems of modern state-legal reality, the study of which intensifies the integral interest of legal and economic sciences. General theory of law and sectoral legal sciences, which investigate the effectiveness of the observance and protection of socio-economic rights and freedoms of man, reveal the problems of social inequality, modification of social relations and changes in the models of law and order, imperfection of legislation, law enforcement, etc., which correlates with the subject area of knowledge of economic theory. Attention dwells on the consideration of the categories "legal person", "economic person", "human capital", understanding of law and economics as sociocultural phenomena, etc., which, in the context of globalization and its consequences, acquire new meanings, the study of which involves the use of interdisciplinary approach.

Key words: law, economics, interdisciplinarity, human rights and freedoms, welfare state, economic policy, General theory of law.

For citation: *Stepanenko, R.F. (2021). Cumulative interest of legal and economic sciences in interdisciplinary research of modern social problems // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 42–54.*

Стабильное функционирование и эволюция социального государства в современной России, преломляясь через существующие проблемы социального неравенства, бедности, безработицы, спонтанной миграции, спорадичности правовых установлений и неопределенности властно-регулятивных механизмов, поиска средств и способов решений, упорядочивающих общественные отношения, прогнозирования и реакции на технологические и экологические вызовы и угрозы, интенсифицируют активные дискуссии в сфере правовой и экономической научных дисциплин о путях минимизации и преодоления нарастающих препятствий для социально-экономической безопасности граждан, общества, государства.

Как отмечал на Давосском форуме в январе 2021 г. Президент РФ В.В. Путин, фундаментальными причинами неустойчивости современного мира являются накопленные социальные проблемы: поляризация доходов, рост популистских настроений, демографический спад, безработица и др. Последствия глобализации, повлиявшие на увеличение доходов транснациональных корпораций, в результате которых богатеет только 1% населения мира, а 267 млн человек в 2019 г. нигде не работали и не учились, 30% работающих имеют доход ниже 3.2 долл. в месяц, свидетельствуют о таких результатах проводимой в XX в. политики, которые явились последствиями выбора государствами в качестве приоритета — рост экономики. Процессы бурного развития технологий при этом несут большие риски для социальной, и прежде всего трудовой сферы, а разрыв между виртуальной и реальной экономикой может привести к непредсказуемым потрясениям¹.

Трансляция сказанного в научную область исследований правовой и экономической сфер познания происходящего выявляет, с одной стороны, значительно возросшие процессы взаимных доктринальных интересов права и экономики в данной проблематике, активное производство знаний о которой увеличивает число совместных междисциплинарных изысканий. С другой стороны, преодоление монистических сугубо «корпоративных» интересов или права, или экономики в междисциплинарном дискурсе сталкивается с многими

сложностями методологического характера, часть из которых будет рассмотрена нами в данной статье.

В правовой науке на доктринальном уровне такое затруднительное положение связано с ключевой проблемой правоведения — правопониманием, посредством которого интерес к положениям экономической теории либо наличествует, либо нет. Если догматическая юриспруденция² в своем функциональном, служебном предназначении способствует устойчивости правопорядка, т.е. «работает» на поддержание суверенитета власти, а частью профессии юриста-догматика традиционно считается «быть при власти и её обслуживать», отраслевая юридическая наука находится «вне политики и вне идеологии», будучи функциональной, то проблемы экономики, как правило, в пространство данных исследований не входят. Например, цивилисты советского периода успешно использовали «наличную догму» для создания добротного Гражданского кодекса РСФСР, эффективно длительное время регулировавшего правовые отношения в сфере гражданского права, не обращаясь особенно к моральной, политической, экономической или иной рефлексии. Фундаментальная юридическая наука³, становлению которой способствовали школа естественного права, историческая, социологическая и философская школы, политика права и сравнительное правоведение в тесной связи с отраслевой наукой, придавала и придает академизм и респектабельность юридической науке, развиваясь в своем обособленном и подтверждаемом научном статусе⁴, базируясь не столько на позитивистском, сколько на плюралистическом, интегральном современном понимании права, периодически уделяя внимание соотношению права и экономики. Примечательно, что теория государства и права советского периода в предмет изучения учебной дисциплины включала такие вопросы, как «государство и личность», «право и экономика», «человек и общество», «социальная ценность и эффективность советского права» и др. Ныне же данные вопросы не получают системного освещения.

² См.: Жуков В.Н. Юридическая наука // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 868–878.

³ См.: там же. С. 878–883.

⁴ См.: Жуков В.Н. Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.

¹ См.: Путин В.В. Выступление на Давосском форуме. 27 января 2021 г. URL: www.kremlin.ru (дата обращения 28.01.2021).

Тем не менее общая теория права⁵, создаваемая в России И.А. Ильиным, Б.А. Кистяковским, Н.М. Коркуновым, С.А. Муромцевым, П.И. Новгородцевым, Л.И. Петражицким, Г.Ф. Шершеневичем и др., находясь «во главе юридических наук» (Л.И. Петражицкий), соприкасаясь с философией права и широким кругом иных гуманитарных дисциплин, в большей степени как ранее, так и теперь уделяет внимание социальному назначению права⁶. В частности, П.И. Новгородцев в числе основных задач права называл задачу обеспечения материальных условий свободы граждан, правовые гарантии их реализации. «Именно во имя охраны свободы..., во имя достоинства» личности оно (право) должно взять на себя заботу об утверждении права на достойное человеческое существование»⁷. Видный ученый-юрист С.А. Котляревский в период построения советского государства пишет об обеспечении гарантий занятости и социального страхования, правовом регулировании трудовых отношений, рассматривает проблемы образования, медицины, изучает вопросы финансового, налогового, кредитного регулирования, экономической политики⁸, тем самым глубоко проникая в вопросы социального назначения права.

Сказанное демонстрирует широкий междисциплинарный контекст общей теории права, формируемый и развиваемый её основателями. Эволюция традиций российской общей теории права в теоретическом правоведении подтверждается актуальностью научных интересов ученых правоведов в изучении социального значения права и государства, в т.ч. с точки зрения влияния на них прогнозируемых и непредсказуемых событий и ситуаций политического, экономического, экологического, социокультурного, информационно-технологического и иного характера. Процессы модификации общественных отношений, испытывающие на себе эффекты глобальных трансформаций миропорядка, требуют аналитической работы как в правовой сфере законодательной и правореализационной практик, так и в алгоритмах поиска социальной сущности права в юридической науке.

⁵ См.: Жуков В.Н. Общая теория права // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 458–464.

⁶ См.: Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017. С. 264–267.

⁷ Фролова Е.А. Идеи социального и правового государства в философии права П.И. Новгородцева // Государство и право. 2018. № 7. С. 57–65. DOI: 10.31857/S013207690000214-7.

⁸ См.: Кроткова Н.В. Взгляды С.А. Котляревского на конституционный строй Российской Империи и Советской России // Государство и право. 2008. № 3. С. 73–84; Её же. С.А. Котляревский как представитель советской юридической науки // Финансовое право и управление. 2014. № 3. С. 184–198. DOI: 10.7256.2310-0508.2014.3.13560.

Как справедливо утверждает проф. О.В. Мартышин, «особый ракурс права представляет его социальная сущность, в отличие от юридического понимания права. Под социальной сущностью имеется в виду не столько назначение или функции права, заключающиеся в регулировании общественных отношений, сколько его соответствие общему благу или потребностям отдельных социальных групп»⁹. В этом смысле научно-исследовательская междисциплинарная методологическая деятельность служит в аналитико-правовом опыте ключевым вопросом построения, обоснования и воспроизводства системы высших ценностей права и их опосредования не только в прикладных аспектах правореализации, но и экстраполяции в социогуманитарные научные диапазоны, в т.ч. экономическую теорию.

Междисциплинарность изучения социально-правовых и экономико-правовых явлений, как бы не пытались их не замечать представители позитивистской концепции права, со всей очевидностью демонстрирует уже совсем не линейность, но нелинейность процесса исторического развития государственности, наличие состояний неустойчивости, неопределенности, паллиативности и хаотичности, отражающихся перманентно на законодательной и правоприменительной сферах, познание которых обостряется для прогнозирования устойчивости дальнейших состояний социально-экономического порядка в целом. Одна из важнейших проблем современной социогуманитаристики — познание чрезвычайно важных механизмов взаимодействия права и экономики, которые в условиях «утраченных сюжетов глобализации» имеют решительное историческое значение с точки зрения цивилизационного и гуманного сохранения, а также развития человеческого потенциала в условиях напряжения и возрастания рисковенных сфер и вызовов, угрожающих миропорядку.

Порядок в национальных юрисдикциях всегда есть итог *согласия и согласованности* конкретных общественных систем с социально-экономическими институтами, одобрением и признанием тех ценностей, которые исторически витально, ментально, индивидуально и коллективно формировались в разные эпохи на территории разных государственных образований. Равным образом вытекающие из этого согласия упорядоченные сообщества, во главу угла такой кооперации ставят и ставят справедливость как высший образец коммуницирования, опосредовано и предметно делегирующую праву и экономике обязанность реализации её постулатов в искусстве управлении делами общества (правовой политике). В развитых обществах процессы эволюции справедливого

⁹ Мартышин О.В. Философия права. М., 2017. С. 183.

права, законодательства и справедливой, основанной на праве экономики нацелены на рост общего благосостояния, в параметрах которого на разумных началах устанавливается баланс интересов личности, общества и государства.

Однако, как отмечалось, глобализация, приносящая миру как позитивные (развитие международных коммуникаций, интернет-пространства, технологии и т.д.), начала, так и обострившая некоторые деструктивные явления (массовое социально-экономическое неравенство, безработица, неуправляемая миграция, экологические и технологические катастрофы, пандемии и эпидемии, уносящие человеческие жизни и т.д.), ныне влияет на существенные преобразования, которые нужно изучать и учитывать при обосновании правовой экономической политики социального государства. Глобализация, по мнению проф. М.Н. Марченко, являясь «объективным, никем не инспирированным “извне” естественным процессом», имеет широкий неравномерно развивающийся характер. Глобализация в решающей степени охватывает финансы и экономику и в контексте нового, глобального уровня соотношения политики и экономики представляет не только радикальные изменения в самой экономической политике, сколько уже в характере её воздействия на духовную, окружающую и социальную среду¹⁰.

Бегство от негативных последствий глобализации, по прогнозам Ж. Аттали, может привести к тому, что количество лиц, живущих менее чем на 2 долл. в день, составит к 2035 г. 3.5 млрд человек, которые превратятся в «гиперкочевников» и будут использоваться для участия в различных неправовых массовых мероприятиях и в различных криминальных схемах теневой экономики¹¹. Удержание и предоставление условий нормальной жизнедеятельности для граждан есть одна из важнейших ценностей социального государства, опирающегося на право и экономику. Здесь на первый план выдвигается задача установления социальных гарантий и стандартов, которые подлежат легитимизации, прежде всего в федеральном законодательстве, где должна проявляться активная позиция государства.

«Современная экономическая модель государства должна рассматривать как минимум два основных вида его активности. Во-первых, оно призвано реализовывать свои патерналистские установки, обменивая имеющиеся у него ресурсы (бюджетные средства) на социальную полезность

от достижения поставленных целей. Во-вторых, государственная активность должна быть направлена на совершенствование существующих норм и правил, обеспечивая качественное улучшение институциональной среды»¹², — отмечает российский экономист Р.С. Гринберг.

Кумулятивная ценность права и экономики в формулировании и установлении социальных гарантий для реализации естественных, гражданских, политических, социально-экономических и других прав и свобод человека состоит и предназначена для сохранения и приумножения общезначимых благ для человека и во имя него. Однако понимание самого человека в правовой и экономической науках разнится, что влияет и на сферу изучения данными научными дисциплинами проблем социальной защиты, социальных гарантий и стандартов и др.

«Человек юридический — цивилизованный индивидум, способный самостоятельно перераспределять свою витальную и социальную энергию и направлять свои инстинкты и страсти в русло нормативного существования, законопослушного поведения... в приемлемые для социального окружения правовые формы»¹³. «Человек экономический» как «источник труда» (по Марксу) — субъект экономики, рационально использующий свой труд для получения материальной выгоды (капитала) во имя удовлетворения собственных потребностей и интересов. Это независимый, информированный и мобильный, достаточно эгоистичный индивид, реализующий свою прагматичную экономическую сущность (объект и субъект экономических отношений). Приблизительно такое понимание «человека экономического» легло в основу концепции «человеческого капитала», предпосылки которой были изложены в работе английского экономиста У. Петти «Политическая арифметика». «Человек», однако, был интерпретирован автором с позиций национального, а не только сугубо личностного материального достояния. Отмеченные К. Марксом особенности периода промышленных революций, когда человек становится «не самым ценным ресурсом», были развернуто изложены А. Смитом при изучении соотношения заработной платы человека как «денежной цены труда, определяемой через его способности». Развивая идею «неуравновешенного равенства», в то же время А. Смит

¹⁰ См.: *Марченко М.Н.* Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственных-правовых систем в XXI веке. М., 2019. С. 6–17.

¹¹ См.: *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб., 2014.

¹² *Гринберг Р.С.* Экономическая теория сегодня: необходимость обновления и требования практики // Новая экономическая политика для России и мира: сб. науч. тр. участников Междунар. науч. конф. — XXVII Кондратьевские чтения, 29–30 октября 2019 г., Москва / под ред. В.М. Бондаренко. М., 2019. С. 12.

¹³ *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 1026.

акцентирует внимание на «необходимости вложений в человека»¹⁴, благодаря которым он развивается и совершенствуется как в своих интересах, так и в интересах корпораций (общества, государства), прежде всего в капиталистическом обществе.

Принципиальный вывод К. Маркса о переходе характера капитализма в истории цивилизационного развития и о месте в нем Человека, однако, не снимает вопроса о нем как основном способе социального бытия в мировых практиках, а «возрастающий общественный капитал, персонализированный в капиталисте, как и в стародавние времена, противостоит тем, кто его создает... В масштабе всей планеты 1% самых богатых её людей за 15 лет XXI века сравняли своё благосостояние с совокупным благосостоянием остального населения земли... Именно в этом смысле позиция марксизма непоколебима... он действенен там, где общественные отношения регулируются противоречиями между общественным характером труда и частнокапиталистическим присвоением его результатов»¹⁵, как отмечалось нами ранее в исследовании феноменов отчуждения и маргинальности.

Поскольку конституционные проекты социальной защищенности личности не снимают проблемы «эксплуатации человека человеком», постольку их ключевым недостатком и в праве, и в экономике становится не только взгляд на человека и его права как высшую ценность, сколько использование абстрактной, по нашему мнению, категории «человеческий капитал» как способ обоснования ещё большего использования его труда в интересах т.н. олигархических и других структур, признающих услугой даже то, что всегда относилось к социокультурным феноменам. В этом смысле признание человека в качестве «капитала» (или «услуги для капитала») во многом объясняет прагматизм нашей эпохи, всё более обретающей утилитаристские смыслы.

Концепция «человеческого капитала», сформулированная ранее в контекстах политической экономики, была разработана Нобелевским лауреатом Т. Шульцем. Авторская концепция представляла собой предмет глубоких теоретических, экономических, научных изысканий о природе приобретения таких ценных качеств, которые способствуют развитию не только его (человека) потребительских, но и производственных умений и навыков. Расширение представлений о «человеческом капитале» обосновывается в работах зарубежных и российских

экономистов. В частности, Г. Беккер, последователь Т. Шульца, в известной и полемичной для гуманитариев концепции «человеческого капитала» затрагивает рассмотрение важных «неэкономических», казалось бы, сфер жизнедеятельности человека (образование, семья, занятость населения, трудовые отношения и др.), что демонстрирует многоаспектный и общесоциальный взгляд ученых-экономистов на проблемы Человека.

А.А. Аузан, рассматривая проблемы «инвестиций в человеческий капитал» резонно задается вопросом: почему инвестиции не идут в образование и здравоохранение? Ответ автора на заданный им самим вопрос объясняется критически и рационально: «Инвестиции в человеческий капитал раньше, чем через 10 лет, результатов не дают. Если у вас лишь трехлетний горизонт планирования, вы, исходя из вполне рациональных соображений, в Человека не инвестируете»¹⁶, в отличие от оборонной промышленности, продажи сырьевых ресурсов и т.д., что, безусловно, тревожит экономическую науку, проявляющую значительный интерес к проблемам человека и соблюдения его прав, возможно, даже больше, чем правоведение.

Экономические учения сегодня обосновывают в некотором смысле и правовое значение инвестирования в человека посредством «вкладов» в его обучение, привитие навыков, знаний и умений, в охрану здоровья, защиту материнства, детства и др., что в дальнейшем должно обеспечить и социокультурное, и социально-экономическое развитие как самой личности, так и общества и государства с максимальной пользой и выгодой для всех. Здесь позиции, например, права и экономики начинают сближаться в части выработки стратегий перспективного цивилизационного пути эволюции государственных образований для Человека. На самом деле низкий уровень инвестиций в человека несет за собой не только социально-экономические, но и политико-правовые, в т.ч. репутационные и иные риски для государств. Риски в данном контексте есть и для права, и для экономики в качестве высказывания сомнений в их неоспоримой ценности как научных дисциплин.

Современное развитие культуры научного общества демонстрирует приоритетность таких направлений в исследованиях, которые используют неоклассические, неинституциональные и эволюционные подходы в изучении «инноваций», «человека», проблем «экономического роста» и др. Проведенный российским экономистом Е.В. Поповым анализ сфер изучения экономической науки приводит, однако, автора к выводам о её отставании по

¹⁴ Иванов С.В. Эволюция исследования экономической категории «человеческий капитал» // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7 (029). С. 55–59.

¹⁵ Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V. et al. Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. T. 24. No. Extra 5. С. 51–56.

¹⁶ Аузан А.А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и междисциплинарные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 100.

тематике «Человек», что подтверждается, в частности, несвоевременностью и опозданием методологии и методики присуждения Нобелевских премий. Например, Р. Коузу только в 1991 г. была присуждена эта премия за работу «Природа фермы», опубликованную еще в 1937 г., где были отмечены: чрезвычайно разнородные и не систематизированные методологические подходы и инструментарий экономической науки; отход на «второй план» неоклассической теории (являвшейся главным направлением экономических исследований) в необходимом изучении рациональности поведения экономических агентов, экзогенных по отношению к хозяйственному субъекту факторов; нивелирование проблем финансовых кризисов и т.д., в совокупности ведущие к тому, что экономико-теоретические исследования не могут обеспечить адекватного моделирования хозяйственной деятельности. Однако современными приоритетными направлениями экономической науки должны стать модели, основы которых проистекают из ключевых слов: «инновация», «экономический рост», «человек»¹⁷, — резюмирует Е.В. Попов.

Между тем антропология права¹⁸ уже на протяжении нескольких десятилетий обосновывает диссонирующий с сугубо прагматично-экономической точкой зрения на человека как капитал. В частности, начиная с философско-правовой теории известного философа и правоведа В.С. Нерсисянца, изучается генезис происхождения прав и свобод человека, где автором отмечается что объектом (вещью) права человек был в рабовладельческий (крепостнический) период, когда в состоянии рабства он признавался «говорящим орудием», аналогично хозяйственному инвентарю и средствам производства. Историю «очеловечивания людей» посредством истории прав человека можно проследить в логике развития права и закона (Великая хартия вольностей (1215), Петиция о праве (1628), Декларация прав (1688); Конституция США (1787), Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) и др.), что подтверждает ценность признания человека, его естественных и неотчуждаемых прав почти во всех государственных устройствах почти всех национально-правовых систем¹⁹. Понимание В.С. Нерсисянцем права как равенства, свободы и справедливости («только

право и справедливо») в его различении и соотношении с законом, а человека — как существа правового и защищенного законом позволило автору утверждать о единоначалии права (генезиса права, его бытия и существовании) и человеческого рода в общекультурном формировании и развитии человека в их взаимообусловленной друг для друга ценности.

Современная экономическая наука, обращаясь к важным ценностным ориентациям духовно-этических проблем реальности, обращается к рассмотрению экономики как социокультурного феномена. В работе А.А. Аузана «Социокультурная экономика» автор находит обращение к особенностям российской культуры, необходимым с позиций изучения тех или иных успехов отечественной технологической и технической и научной мысли, которые принесли нашей стране мировое признание (создание спутника, космического корабля, атомной станции, гидротурбины и т.д.). Нестандартность и уникальность отечественного мышления как особенности культуры, отмечаемые экономистами, являются ценностью поведенческих установок. «Например, уважаем ли стандарты или не уважаем — вопрос ценностный, который имеет поведенческие последствия. Они нас интересуют не в индивидуальном случае, а в рамках сообщества. Они достаточны значимы и работают, когда мы говорим о социокультурной экономике»²⁰.

Право как социокультурный феномен исторически зарождался в недрах национальной культуры, черты которой характерны в т.ч. и для особенностей понимания Права — как Правды, Справедливости, Равенства²¹.

Именно Право как проявление особой ментальности соотечественников через нормативные установления возложило и возлагает на государство обязанности признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека. Именно его общечеловеческим и гуманным началам, которые обрели характер общепризнанных принципов национального права, обязано государство. Человек социальный, взаимодействующий с экономической, духовно-нравственной, политической и правовой средой, наделенный всей совокупностью прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ, должен владеть, пользоваться и распоряжаться полнотой этих прав не менее, а равнозначно с государством. Наряду с государством человеку уже Основным Законом гарантировано полноценное и достойное существование,

¹⁷ Попов Е.В. Перспективные направления развития экономической теории // В сб.: Материалы IV Всеросс. симпозиума по региональной экономике / отв. ред. Ю.Г. Лаврикова. М., 2017. С. 251–255.

¹⁸ См.: Жуков В.Н. Антропология права // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 26–33.

¹⁹ См.: Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2002. С. 107, 108.

²⁰ Аузан А.А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. № 2 (168). С. 4–10.

²¹ См.: Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 06.02.2021).

соблюдение и защита не только материальных, но и духовно-культурных его прав и благ.

О важности культурологического аспекта права и государства говорит проф. Ю.А. Тихомиров, ставя перед исследователями задачи изучения системы государственного управления. Разработка критериев «предельно критических показателей социального состояния общества» в период либеральных реформ могут помочь уяснить проблемы в политической, демографической, социальной и экономической сферах, установить проблемы девиантного поведения, преступности и т.д.²²

В государственно-организованных обществах, как отмечает проф. В.В. Оксамытный, где основной политической формой организации суверенной публичной власти является государство, функционируют такие правоустанавливающие факторы, как: а) право (с точки зрения его позитивного и естественного направления); б) восприятие права (в зависимости от уровня и особенностей правосознания народа); в) аналитический, исследовательский и процессуально-установленный законодательный порядок; г) источники права; д) правовые нормы; е) юридические учреждения; ж) механизмы правореализации; з) присутствуют результаты действия правовых норм, означающие наличие правового порядка²³. К иным критериям государств, помимо традиционных, автор относит «степень развитости государственных институтов (“состоявшиеся” и “неудавшиеся” государства); экономическое положение (размер валового национального продукта, место в иерархии экономически развитых стран)...»²⁴.

Критериальный дуализм в определении эффективности государственных образований, подтверждаемый *правовой и экономической состоятельностью государств*, во многом преобразует устоявшиеся в юридической науке традиции, фиксирующие лишь наличие обязательных признаков государства, но не останавливающих предметное внимание на праксеологии государственно-правовой и государственно-экономической деятельности. Упущения теоретико-методологического характера, нивелирующие опыт и результаты практической деятельности государств, соответственно, отражались и отражаются на паттернах установления стратегий нормативных систем в конкретно-исторических и социально-экономических условиях их формирования. Здесь праксеология как

общегосударственная методология деятельности должна иметь практическую значимость²⁵. Умение и желание (возможности и способности) реально оценить эффективность, результативность и продуктивность «работы» государства должны иметь сугубо рациональный характер, в т.ч. в единообразии оценок и права, и экономики.

Например, исследуя ключевые проблемы российского права, проф. В.Д. Зорькин акцентирует внимание на ряде существенных факторов, требующих принципиально иной организации всего, в частности, юридического процесса, а именно минимизации проблемы «вопиющего экономического неравенства граждан» в сферах: незаконности «стартового» распределения общенародной собственности; теневого (субкриминальный и криминальный) сегмента «теневой» экономики, коррупции, рейдерства, низкого уровня неспекулятивных инвестиций в отечественные активы и т.д., что делает необходимой признание «социальной легитимности права (в особенности регламентирующего экономические отношения)»²⁶.

Социальная ценность права так же, как и экономики, одновременно апеллирует к антропогенной правовой природе индивидов в части их добровольного и мотивированного подчинения требованиям нормативности, гражданских обязанностей и соблюдения интересов общества и государства. Именно «социальность человека» в значительной степени зависит от воздействий окружающей, в т.ч. общественно-урегулированной среды. Природа этой социальности предполагает человеческую способность к мышлению, анализу, выполнению определенных общепринятых правил поведения. Как «производительная сила» человек также воспринимает модели профессионального роста, должности, умений, знаний, образования и следует им. Экономико-правовая ценность социальных взаимодействий развивается в социокультурном русле, представляя собой суть всех приобретенных человеком позитивных (негативных) качеств, диктуемых и одобряемых (неодобряемых) социумом и популяризируемых наукой.

Австрийская экономическая школа К. Менгера, известного австрийского экономиста²⁷, благодаря которой новое звучание в российской экономической науке приобрела философская категория «ценность», означает не только материальные, но и духовные блага (интересы, потребности, ожидания и т.д.), стремление к обладанию которыми

²² См.: Тихомиров Ю.А. Государство. М., 2013. С. 31.

²³ См.: Оксамытный В.В. Государственно-организованные общества и их правовые системы: соотношения и взаимосвязи // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 2 (15). С. 80, 81.

²⁴ Там же. С. 82.

²⁵ См.: Рыбаков О.Ю. Философия права: учеб. для магистров. М., 2021.

²⁶ Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.

²⁷ См.: Менгер К. Избр. работы. М., 2005. С. 88–95.

требует приложения множества усилий во имя их достижения, сохранения и умножения. Не изменяющие своего предназначения в структуре ценностей блага имеют характер абсолютных и не подлежат модификациям вне зависимости от социально-экономических, политических и иных условий, исторически являясь индикаторами эффективности законодательной деятельности и правоприменения. Естественные и абсолютные и иррациональные (метафизические) ценности человеческого существования — жизнь, свобода, достоинство личности, собственность и др., соотносятся с рациональными ценностями-целями и ценностями-средствами, где первое есть универсалии правового сознания и правовой культуры, а второе суть предназначение правовых систем и институтов (функционал) государства по соблюдению и защите абсолютных и экзистенциальных ценностей путем использования механизмов право-реализации, а также их (права и государства) ценность отношения к Человеку.

Как отмечает проф. С.В. Королев, классическим примером экономико-правового характера в современной России является индексация пенсий, которая отстает от динамики инфляции и не может обеспечить бенефициару прежний уровень жизни. С точки зрения маржинализма вся предельная полезность «отнимаемой» через инфляцию части блага становится выше предельной полезности прибавляемой части. Таким образом, продолжается несменяемый процесс неравновесных состояний, который (по Менгеру) невозможно просчитать по бухгалтерскому «дебету» и «кредиту»²⁸. Здесь необходим концептуальный, системный, логико-гносеологический подход экономики и права в анализе указанных проблем.

Действительно, сложно объяснить логику исполнительной ветви власти в части «дифференциации» ветеранов труда, работников бюджетной сферы на «федеральных» и «региональных», «заморозку» индексаций пенсий работающим пенсионерам с 2016 г., назначение пенсий за выслугу лет работникам, не прослужившим 20 лет в Министерстве внутренних дел РФ, только в случае, если «до службы в МВД» у него имелся «гражданский стаж» работы, и многое, многое другое, что не представляется возможным понять рационально, в особенности, в сфере существования разнопорядковых выплат и условий их осуществления в равных субъектах Российской Федерации. Такое положение способствует разбалансировке ценностных оснований всей социальной системы, как в правовой, так и экономической сферах. Интегральные интересы правовой и экономической наук в познании социальных процессов современной России представляют,

безусловно, и отраслевые юридические дисциплины. В первую очередь проблема защиты социально-экономических прав граждан концептуально изучается конституционным правом.

Так, проф. Б.С. Эбзеев уделяет пристальное внимание проблемам развития «сильного государства» и вертикали власти как основаниям единства и целостности Российской Федерации. Изучая природу легитимирующих оснований и последствий общероссийского голосования, «непрерывности» российского государства, баланс властей и новую конфигурацию их разделения, социальное государство и новые ориентиры его развития, автор обосновываются новые смыслы конституционных принципов. Внесенные в Конституцию РФ 1993 г. поправки, по мнению Б.С. Эбзеева, предлагают «существенно обновленную организацию публичной власти и баланс в полномочиях её ветвей, конкретизацию содержания принципа социального государства и его современное наполнение...»²⁹, что крайне важно в условиях турбулентных состояний миропорядка, заставляющих обращаться к доктрине социального государства всё чаще.

Для эффективного функционирования социальной системы государства имеет такой фактор, как стабильность финансовых, налоговых, таможенных институтов и регуляторных механизмов. Устройство, в частности, финансовой системы предназначено для пополнения казны тем материальным ресурсом, при помощи которого могут быть реализованы многие социальные обязательства государства. Вместе с тем финансовые обязательства взаимосвязаны с экономическими отношениями и, с одной стороны, являются экономическим инструментарием в распределении валового внутреннего продукта, а с другой — представляют собой одно из средств контроля за производством и распределением материальных благ в развитии государства, общества и личности.

Как отмечает проф. Е.Ю. Грачева, назначение финансовой деятельности органов государства обусловлено в первую очередь существованием денег, функционированием товарно-денежных отношений и действием экономического закона стоимости. Публичная власть использует её для достижения стоящих целей и задач, в реализации прав и свобод граждан, в т.ч. социально-экономических. Финансовые обязательства государства перед гражданами носят денежный (имущественный) характер, где «должником» выступает либо государство, либо муниципальное образование. Налоговые отношения не являются финансовыми в связи

²⁸ Королев С.В. Краткая история экономических учений в фокусе теории права. М., 2017. С. 266–268.

²⁹ Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 9. DOI: 10.31857/S013207690009224-8.

с обязанностями налогоплательщика. Использование категории «обязательство», в свою очередь, дает гражданам возможность требовать от публичной власти их исполнения в контексте возложенных на неё общесоциальных функций. Расходные, бюджетные, публичные нормативные обязательства становятся обязанностью конкретного органа бюджетной сферы. В основном финансовые обязательства коррелируют с расходными обязательствами бюджета. Они возникают и в социальной сфере при осуществлении социальной политики и предоставлении социальных гарантий и льгот. Внутренние финансовые обязательства связаны «с предоставлением материальных гарантий и бюджетных расходов на обеспечение социально-трудовых прав граждан». Вопросы изменения финансовых обязательств государства вносятся по заключениям Правительства РФ и Счетной палаты РФ в Государственную Думу и не предполагают проведение референдума. Например, если проводить референдум по вопросам бюджета, то нужно будет формулировать не общие, а точные вопросы и суммы, в частности минимального размера оплаты труда, и многое другое, что делает процедуры просчета, подсчета в срок до принятия бюджета (с 1 января до 31 декабря срок действия бюджета), т.е. в середине финансового года, нереальным. Вынесение вопросов социально-экономической политики на референдум, закрепленные в п. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона от 23 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации»³⁰, не умаляет значения иных демократических процедур по выявлению и выражению общественного мнения, использовать которые можно при разработке и принятии федерального закона о бюджете в последующие годы³¹, но сложно, в т.ч. в организационном и стоимостном выражениях.

Открытость социальных (правовых, политических, экономических, культурных, информационных, технологических и др.) систем, пусть даже в их условном выражении, объясняет её особенности и способность обмениваться с внешней средой энергией, потенциалом, ресурсами, где с помощью режимов «сдерживания» и «упорядочивания» (правовая нормативность) возможно снятие энтропийных, в т.ч. социально-экономических состояний и движений к некоей новой организованности. Удержание системы в удовлетворительно приемлемом равновесном состоянии, включающем в себя диссипативные элементы (факторы), а затем её развитие и процессы новой самоорганизации, зависят от знания и умения анализировать,

предвидеть и прогнозировать пути преобразований из состояния «неустойчивости» к «устойчивости». Понятие синергетики «пороговость чувствительности» объясняет такое свойство нелинейных и открытых систем, как их неизменяемость в связи с количественными (в пределах границ систем) модификациями, но при преодолении этих границ (порогов) система подпадает уже под влияние иных «аттракторов», когда даже незначительное воздействие может привести к неопределенным последствиям, о чем свидетельствует история развития разных государств в ретроспективных и современных, в т.ч. конституционных, аспектах, возникающих при исполнении / неисполнении государством своих обязательств.

На самом деле, признавая Российскую Федерацию социальным государством (ст. 7 Основного Закона), законодатель вряд ли имел в виду, что целью государства по охране труда и здоровья матерей, отцов, детей, инвалидов и пожилых граждан является *полное принятие на себя обязательств* по защите социальных и экономических прав этих категорий граждан. Но, как отмечалось нами ранее, каждый гражданин (в т.ч. и выделенные в ст. 7 Конституции РФ категории) есть потребитель товаров и услуг, в которых изначально «заложен прибавочный продукт», поступающий в казну государства, кратно «окупающий» вложенные государством в «человеческий капитал», средства. Это, во-первых. Во-вторых, законопослушное исполнение налоговых и иных финансовых, кредитных и других обязательств большинством «трудящихся» дает основания «рассчитывать» на поддержку государства не только, например, в периоды болезни, нахождения в декретном отпуске, отпуске по уходу за детьми или при выходе на пенсию, но и при получении достойной заработной платы за труд.

Скорее всего здесь речь идет о *государственных юридических гарантиях*, которые, как справедливо отмечает Б.Б. Тишаев, и определяют «совокупность условий, обеспечивающих реальную возможность эффективной реализации экономических прав, свобод, обязанностей, а также их правовую защиту в случае неисполнения, либо нарушений»³², реализуемых эффективными / малоэффективными способами государством, в т.ч. при его активном участии в экономике.

Для формирования социально-ориентированной основанной на правовых началах экономики необходимы, как полагает проф. О.С. Сухарева, её структурные преобразования. Реализация социальных задач требует прежде всего обращения к возможностям бюджета для полноценного

³⁰ См.: СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2710.

³¹ См.: Грачева Е.Ю. К вопросу о финансовых обязательствах государства // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 6 (22). С. 10–20.

³² Тишаев Б.Б. Экономика-правовой статус личности: структурно-содержательный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 182.

финансирования таких программ. Для проведения структурной политики (создание бизнес-среды, инвестиционного климата, повышение экономической активности на секторальном, региональном, технологическом, институциональном и других уровнях) необходимо расширять доступность кредитов, вводить компенсационные механизмы инвестиционных рисков, минимизировать «спекулятивный» характер госуслуг, перемещать капитал и труд в обрабатывающие сектора, реально поддерживать малое и среднее предпринимательство, развивать высокие технологические стандарты производств и т.д.³³, что важно и для юридической науки.

Следует подчеркнуть, что в последние десятилетия заметным становится процесс «стирания» междисциплинарных границ правовой и юридической научных областей как в России, так и за рубежом. Научный интерес юриспруденции преумножается познавательными дискурсами в экономическую сферу посредством редукции и экстраполяции в методологию экономического анализа права, концепцию поведенческой экономики, в методику оценки эффективности законодательства и судебной практики на общетеоретическом и прикладном уровнях, порой по необходимости. Солидарность права и экономики проявляется в упреках к законодательной сфере и её несовершенству. Такие проблемы концептуально изложены в работе проф. В.В. Лазарева.

В частности, автором отмечаются случаи «квалифицированного молчания» позитивного права: «а) когда закон «молчит», отдавая регулирование другому источнику; б) когда всё позитивное право молчит, поскольку регулирование отдается не правовым источникам; в) когда молчание означает дозволенное; г) когда оно означает запрет...; д) когда расписывается в невозможности регулирования...»³⁴. Тогда познавательная деятельность исследователей общей теории права обращается к экономической теории и, наоборот, устанавливая совместно «уязвимые места» юриспруденции и экономики.

Алгоритм обозначенного методологического «сближения» отмечен в значительном количестве российских и зарубежных исследований и обнаруживает в себе при помощи правовой аналитики черты сходства, различия и взаимодействия, на отдельных вопросах которых следует остановить внимание. Так, американский профессор

экономики Г. Уинтер с позиций поведенческого и традиционного подходов к изучению права и экономики подчеркивает доминирующую цель экономистов в определении социальной политики — «максимизация общественного благосостояния» (что обосновывает и право. — *Р.С.*). Однако «экономический подход не должен считаться важнее или правильнее других подходов»³⁵, «поведенческая экономика не может существовать в экономическом вакууме»³⁶ так же, как и право не может дистанцироваться от экономических когнитивных практик, и в этом видна необходимость их взаимодействия. В то же время экономико-правовой анализ Г. Уинтера, как и многих других европейских и американских исследователей, базируется на методологии юридической догматики, а не фундаментальной юриспруденции, тем более общей теории права. При анализе проблем преступности, договорных правовых отношений, особенностей судебной практики и т.д. авторы опираются на нормативный и позитивный подходы в юриспруденции, безусловно, важные для прикладной аналитической (полевой и эмпирический уровни. — *Р.С.*) работы, но не учитывающие и не останавливающие внимания на ценностном правовом содержании законодательных актов, что имеет значение и для экономики.

Квинтэссенцией интегрального видения экономико-правовых ценностей в исследованиях видится нам фундаментальный труд американского философа и гуманиста Дж. Роулза, который в работе «Теория справедливости» основной идеей современного общества и справедливости в нем назвал «исходные соглашения», учитывающие компенсаторные механизмы договорных отношений государства, общества и личности. Предпосылкой таких предположений является «честность». Будучи предельно абстрактной категорией, именно честными должны быть интересы, потребности и исполнения обязательств (правовых и экономических), при реализации которых «никто не должен получить преимущества или испытывать тяготы за счет естественных случайностей или социальных обстоятельств»³⁷. Отсюда драйвером социально-экономического развития цивилизации должна стать интегральная модель референтного междисциплинарного сотрудничества правовой и экономической научных дисциплин, расширяющаяся в междисциплинарное пространство в поисках установления справедливого миропорядка. Тем

³³ См.: Сухарев О.С. Структурные проблемы новой модели роста российской экономики // Труды ВЭО России. М., 2018. Т. 215. С. 148–167.

³⁴ Лазарев В.В. Пробелы в праве: теоретический и практический аспекты // Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве. 2020. № 2. С. 27.

³⁵ Уинтер Г. Вопросы права и экономики / пер. с англ. Т. Шишкиной; под науч. ред. М. Одинцовой. М., 2019. С. 33.

³⁶ Там же. С. 411.

³⁷ Роулз Дж. Теория справедливости / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. 3-е изд. М., 2017. С. 31.

более что нарастание общезначимых и кумулятивных проблем для права и экономики очевидно.

* * *

Рассмотренный нами опыт перспективного научного сотрудничества юридической науки, и прежде всего общей теории права и экономической теории, оставляет за рамками архаичный вопрос о доминирующей роли «права» или «экономики» в формулировании стратегий развития социальных универсалий. Некогда популяризируемый марксистский тезис об экономике как базисе и праве как надстройке постепенно утрачивает свою актуальность в условиях общества глобальных рисков и угроз, предотвратить которые по одиночке не в силах ни право, ни экономика. Проблема сохранения Человека, в т.ч. «человека юридического» и «человека экономического», выливается в антропологизм тотальности «бытия» и «существования», для которого безразлична очередность действенности тех или иных институтов (феноменов) в сохранении биопсихологических, социокультурных, правовых и экономических качеств и функций Человека.

На прикладном уровне, имеющем в большей степени значение «здесь и сейчас», видится полезность выявления механизмов упорядочивающей, распределительной и воздающей справедливости, которая так нужна Человеку. Знания о мире, к которым обращается наука для объяснения объективных, необходимых, повторяющихся закономерностей, с точки зрения её (науки) гуманистической и социальной роли и силы сближают в кумулятивном движении познание любой из научных областей, как бы она не называлась. Необходимость этой интеграции есть веление времени, в котором человечеству отводятся возможности познания самого себя, в т.ч. в правовом и экономическом справедливых социальных измерениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб., 2014.
2. *Аузан А.А.* Развитие и «колея» зависимости // *Мировая экономика и междисциплинарные отношения*. 2017. Т. 61. № 10. С. 100.
3. *Аузан А.А.* Социокультурная экономика // *Наука и инновации*. 2017. № 2 (168). С. 4–10.
4. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 1026.
5. *Грачева Е.Ю.* К вопросу о финансовых обязательствах государства // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 6 (22). С. 10–20.
6. *Гринберг Р.С.* Экономическая теория сегодня: необходимость обновления и требования практики // *Новая экономическая политика для России и мира: сб. науч. тр. участников Междунар. науч. конф. – XXVII Кондратьевские чтения*, 29–30 октября 2019 г., Москва / под ред. В.М. Бондаренко. М., 2019. С. 12.
7. *Жуков В.Н.* Антропология права // *Жуков В.Н. Философия права. Словарь*. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 26–33.
8. *Жуков В.Н.* Общая теория права // *Жуков В.Н. Философия права. Словарь*. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 458–464.
9. *Жуков В.Н.* Юридическая наука // *Жуков В.Н. Философия права. Словарь*. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 868–883.
10. *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // *Государство и право*. 2017. № 9. С. 5–24.
11. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.
12. *Иванов С.В.* Эволюция исследования экономической категории «человеческий капитал» // *Социально-экономические явления и процессы*. 2011. № 7 (029). С. 55–59.
13. *Королев С.В.* Краткая история экономических учений в фокусе теории права. М., 2017. С. 266–268.
14. *Кроткова Н.В.* Взгляды С.А. Котляревского на конституционный строй Российской Империи и Советской России // *Государство и право*. 2008. № 3. С. 73–84.
15. *Кроткова Н.В.* С.А. Котляревский как представитель советской юридической науки // *Финансовое право и управление*. 2014. № 3. С. 184–198 DOI: 10.7256.2310-0508.2014.3.13560.
16. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве: теоретический и практический аспекты // *Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве*. 2020. № 2. С. 27.
17. *Мартышин О.В.* Философия права. М., 2017. С. 183.
18. *Марченко М.Н.* Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М., 2019. С. 6–17.
19. *Менгер К.* Избр. работы. М., 2005. С. 88–95.
20. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2002. С. 107, 108.
21. *Оксамытный В.В.* Государственно-организованные общества и их правовые системы: соотношения и взаимосвязи // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2018. № 2 (15). С. 80–82.

22. *Попов Е. В.* Перспективные направления развития экономической теории // В сб.: Материалы IV Всеросс. симпозиума по региональной экономике / отв. ред. Ю. Г. Лаврикова. М., 2017. С. 251–255.
23. *Роулз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В. В. Целишева. 3-е изд. М., 2017. С. 31.
24. *Рыбаков О. Ю.* Философия права: учеб. для магистров. М., 2021.
25. *Сухарев О. С.* Структурные проблемы новой модели роста российской экономики // Труды ВЭО России. М., 2018. Т. 215. С. 148–167.
26. *Тихомиров Ю. А.* Государство. М., 2013. С. 31.
27. *Тишаев Б. Б.* Экономика-правовой статус личности: структурно-содержательный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 182.
28. *Уинтер Г.* Вопросы права и экономики / пер. с англ. Т. Шишкиной; под науч. ред. М. Одинцовой. М., 2019. С. 33, 411.
29. *Фролова Е. А.* Идеи социального и правового государства в философии права П. И. Новгородцева // Государство и право. 2018. № 7. С. 57–65. DOI: 10.31857/S013207690000214-7.
30. *Фролова Е. А.* Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017. С. 264–267.
31. *Эбзеев Б. С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 9. DOI: 10.31857/S0132076900009224-8.
32. *Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V. et al.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. T. 24. No. Extra 5. С. 51–56.
6. *Grinberg R. S.* Economic theory today: the need to update the requirements and practices // New economic policy for Russia and the world: collection of scientific works. Tr. participants of the International scientific Conf. – XXVII Kondratieff reading, 29–30 October 2019, Moscow / ed. by V. M. Bondarenko. M., 2019. P. 12 (in Russ.).
7. *Zhukov V. N.* Anthropology of Law // Zhukov V. N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V. N. Zhukov. M., 2021. P. 26–33.
8. *Zhukov V. N.* General theory of Law // Zhukov V. N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V. N. Zhukov. M., 2021. P. 458–464.
9. *Zhukov V. N.* Juridical science // Zhukov V. N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V. N. Zhukov. M., 2021. P. 868–883.
10. *Zhukov V. N.* Jurisprudence as a science: return to the forgotten truths of the // State and Law. 2017. No. 9. P. 5–24 (in Russ.).
11. *Zorkin V. D.* Law against chaos. 2nd ed., corrected and updated. M., 2019 (in Russ.).
12. *Ivanov S. V.* Evolution of the study of the economic category “human capital” // Socio-economic phenomena and processes. 2011. No. 7 (029). P. 55–59 (in Russ.).
13. *Korolev S. V.* A short history of economic thought in the focus of the theory of law. M., 2017. P. 266–268 (in Russ.).
14. *Krotkova N. V.* Views S. A. Kotlyarevsky on the constitutional order of the Russian Empire and Soviet Russia // State and Law. 2008. No. 3. P. 73–84 (in Russ.).
15. *Krotkova N. V.* S. A. Kotlyarevsky as a representative of the Soviet legal science // Financial Law and management. 2014. No. 3. P. 184–198. DOI: 10.7256.2310–0508.2014.3.13560 (in Russ.).
16. *Lazarev V. V.* Gaps in law: theoretical and practical aspects // Theory and history of law and state. History of the teachings of law and the state. 2020. No. 2. P. 27 (in Russ.).
17. *Martyshin O. V.* Philosophy of Law. M., 2017. P. 183 (in Russ.).
18. *Marchenko M. N.* Globalization and the main trends in the development of national and supranational state legal systems in the twenty-first century. M., 2019. P. 6–17 (in Russ.).
19. *Menger K.* Selected works. M., 2005. P. 88–95 (in Russ.).
20. *Nersesyants V. S.* Philosophy of Law. M., 2002. P. 107, 108 (in Russ.).
21. *Oxamytny V. V.* State-organized societies and their legal systems: relationships and relationships // Inter-

REFERENCES

1. *Attali Zh.* A brief history of the future. SPb., 2014 (in Russ.).
2. *Auzan A. A.* Development and “track” of dependence // World economy and interdisciplinary relations. 2017. Vol. 61. No. 10. P. 100 (in Russ.).
3. *Auzan A. A.* Socio-cultural economy // Science and Innovation. 2017. No. 2 (168). P. 4–10 (in Russ.).
4. *Bachinin V. A.* Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. SPb., 2006. P. 1026 (in Russ.).
5. *Gracheva E. Yu.* On the question of the financial obligations of the State // Herald of O. E. Kutafin University (MSLA). 2016. No. 6 (22). P. 10–20 (in Russ.).

- national cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2018. No. 2 (15). P. 80–82 (in Russ.).
22. *Popov E. V.* Perspective directions of economic theory development // In the collection: Materials of the IV All-Russ. the Symposium on regional Economics / ed. by Yu. G. Lavrikov. M., 2017. P. 251–255 (in Russ.).
 23. *Rawls J.* Theory of justice / transl. from English; scientific ed. and preface by V. V. Tselishev. 3rd ed. M., 2017. P. 31 (in Russ.).
 24. *Rybakov O. Yu.* Philosophy of Law: textbook for masters. M., 2021 (in Russ.).
 25. *Sukharev O. S.* Structural problems of a new model of growth of the Russian economy // Proceedings of the free economic society of Russia. M., 2018. Vol. 215. P. 148–167 (in Russ.).
 26. *Tikhomirov Yu. A.* State. M., 2013. P. 31 (in Russ.).
 27. *Tishaev B. B.* Economics legal status of the individual: structural analysis: dis. ... PhD in Law. Samara, 2011. P. 182 (in Russ.).
 28. *Winter G.* Questions of law and economy / transl. from English by T. Shishkina; under scientific ed. by M. Odintsov. M., 2019. P. 33, 411 (in Russ.).
 29. *Frolova E. A.* The idea of social and legal state in the Philosophy of Law P. I. Novgorodtsev // State and Law. 2018. No. 7. P. 57–65. DOI: 10.31857/S013207690000214-7 (in Russ.).
 30. *Frolova E. A.* Methodology and Philosophy of Law: from Descartes to Russian Neo-Kantians. M., 2017. P. 264–267 (in Russ.).
 31. *Ebzeev B. S.* Actualization of the Constitution of Russia: collective image of the amendments of President V. V. Putin and new meanings of the Basic Law // State and Law. 2020. No. 4. P. 9. DOI: 10.31857/S0132076900009224-8 (in Russ.).
 32. *Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V. et al.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. T. 24. No. Extra 5. C. 51–56.

Сведения об авторе

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»; 420012 г. Казань, ул. Муштари, д. 11/43

Author's information

STEPANENKO Raviya F. — Doctor of Law, Professor of the Department of theory and history of state and law of Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia; Professor of the Department of theory and history of state and law of the University of Management “TISBI”; 11/43 Mushtari str., 420012 Kazan, Russia